

Нужен ли Новогрудку памятник Миндовгу?

Александр ГРУША,
кандидат исторических
наук, доцент

В статье «Увекавечанне міфа» («Беларуская думка», № 1, 2013 год) магистр истории Юрий Микульский выразил свою позицию относительно возведения в городе Новогрудке памятника Миндовгу. Обрушившись на «ліцьвінскіх нацыяналістаў», «нашых сьведомых», белорусских «адраджэнцаў», якобы создавших миф о героическом образе Миндовга, он пришел к выводу о несостоятельности их доводов в пользу установки памятника князю. По его мнению, памятник Миндовгу ни в коем случае не должен появиться – за него белорусам будет стыдно как перед собой, так и перед иностранными гостями.

Отмечу сразу, что в вопросе установки в Новогрудке памятника князю Миндовгу Институт истории НАН Беларуси не был безучастным. В 2012 году к нам поступили запросы: один из Администрации Президента Республики Беларусь – о возможности установки памятника Миндовгу, второй – из Новогрудского районного исполнительного комитета – о целесообразности появления в городе памятника Ярославу Мудрому. На первый запрос Институт истории дал положительный ответ, на второй – отрицательный. Однако в цивилизованном обществе официальное мнение отнюдь не подменяет мнение общественное. Даже после заключения, данного компетентным учреждением, возможен дальнейший диалог между оппонентами с целью принятия согласованного и обоснованного решения. Но диалог научный, без всякой тенденциоз-

ности. Так или иначе, позиция Ю. Микульского предельно ясна. Неясно, собственно, на каких основаниях он делает вывод, что ставить памятник Миндовгу недопустимо. Это и хотелось бы обсудить.

О «главных» аргументах

В размышлениях Ю. Микульского сложно найти отправную точку. Часто нелегко проследить ход мысли автора. Почти все его доводы – непродуманная до конца «концепция» и фрагменты незрелых взглядов. Эти взгляды зависят от мнения оппонентов. Они не оригинальны, мало обоснованы или не обоснованы с научной точки зрения.

Его главными аргументами (как это можно понимать) послужили следующие: «Миндовг не был новгородским князем», «Новгородок не был столицей ВКЛ», «белорусские земли и Новгородок не были ядром формирования ВКЛ», «Новгородок не принимал на княжение Миндовга и вошел в ВКЛ не мирным путем», «Новгородок не был местом коронации Миндовга», «Миндовг не похоронен в Новгороде».

Положения о том, что Новгородок принял на княжение Миндовга и мирным путем вошел в состав Великого Княжества Литовского, являлся ядром его формирования и столицей и т.д., сформулированы в работах Н. Ермоловича и некоторых других исследователей. Ю. Микульский не совсем прав, утверждая, что эти положения в научных кругах никогда не принимались серьезно: например, о том, что Новгородок являлся столицей Миндовга писали и иностранные ученые. Но возникает вопрос: с кем и отно-

ОБ АВТОРЕ

ГРУША Александр Иванович.

Родился в 1973 году в г. Гродно. В 1996 году окончил исторический факультет Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

В 1999–2005 годах – младший, старший научный сотрудник отдела специальных исторических наук, в 2005–2006 годах – исполняющий обязанности заведующего отделом истории Беларуси XIII–XVIII веков, с 2006 года – заведующий отделом истории Беларуси средних веков и начала нового времени Института истории НАН Беларуси.

Кандидат исторических наук (2001), доцент (2010).

Автор 2 монографий, методических рекомендаций по изданию актовых кириллических источников XIII–XVIII веков, более 70 научных статей, изданных в Беларуси, России, Украине, Литве, Польше, одного учебного пособия. Подготовил и издал 3 книги Метрики Великого Княжества Литовского XVI века.

Сфера научных интересов: институты власти и управления, формирование письменной культуры в ВКЛ в XIII – первой трети XVI века, методика издания исторических источников, публикация исторических источников периода ВКЛ, палеография, кодикология.

▲ Миндовг

являются хранителями исторической памяти. Но о каких летописях он говорит – современных Миндовгу и Александру Невскому, хранящих сведениях об этих деятелях, или о произведениях XVI–XVII веков? Возможно, Ю. Микульский пишет о летописях XIII века? Но они имеют галицко-волинское и новгородское происхождение. Не является ли слишком большим преувеличением мнение, что интересы Новгорода Великого и Галицко-Волинской земли совпадали с интересами тех сообществ, которые существовали на территории Беларуси, а тем более являлись приоритетными для указанных сообществ?

Проверим обоснованность точки зрения автора статьи. Пойдем по обратному пути. Удалим из списка достойных памяти современных белорусов исторических деятелей, которых летописцы не восславляли или к которым они относились нейтрально. Таким образом будут вычеркнуты, например, все полоцкие князья. А имя князя Всеслава Брячиславича придется вычеркнуть самой жирной линией – его летописцы не любили!

Зато сыновья Ярослава Мудрого, его внук Владимир Мономах и правнук Мстислав Великий, не щадившие ни мян (минчан), ни полочан, ни их князей, предстанут в немеркнущей славе героев для современных белорусов. Читаем у Ю. Микульского: «беларускія летапісцы захапляюцца» военными выступлениями Даниила Галицкого против Литвы. Это еще один белорусский герой?! Обращаюсь к летописцам: «А наутре же [Даниил Галицкий и его брат Василько. – А. Г.] плениша всю землю Новгородскую». Так действовали герои современного белорусского народа?!

В любом случае, если Ю. Микульский говорит о летописях XIII века, то принимает ли он во внимание при учете летописной оценки исторических деятелей мнение А. Шахматова: «Рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, – оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царства Божия на земельной юдоли», а «политические страсти и мирские интересы» [1, с. 16]. Очевидно, это слишком однозначное утверждение. Но отчасти этот выдающийся исследователь летописания прав.

Если же автор «Увекавечання міфа» имеет в виду летописи XVI–XVII веков, то слишком откровенно предвзятым выглядит его подход к ним. Летописцы, которые восхищаются выступлениями против Литвы Даниила Галицкого, в трактовке Ю. Микульского – передают историческую память, а вот другие источники, в которых выделяется роль Новгородка, по его утверждению, сплошь основаны на выдумках и легендах. Занимался ли автор статьи или кто-либо другой вопросами исторической памяти XIII–XVII веков в обществе ВКЛ по летописным источникам, отделял ли он эту память от литературной традиции, выяснял ли происхождение этих памяти и традиции и т.д.? Есть ли какие-либо результаты исследования, которые можно было положить в основу заключений об этой исторической памяти? Ю. Микульский обобщает: «Сёння мы бачым, якую памяць пасля сябе пакінуў на Навагрудчыне Міндоўг...». Но ведь автор статьи так и не показал, что представляла собой эта память.

Еще раз напомним: для Ю. Микульского не существует иных исторических форм культурной идентичности белорусов, как только Русь IX–XIII веков, Русь «византийской цивилизации». А что, Русь XIV–XVI веков, которая, в частности, активно пользовалась «добрыми, вольными христианскими, как в польской Короне» правами (цитата из источника), то есть достоянием латинской цивилизации, это уже не наша Русь? А может быть, и прошлое наших языческих предков в те времена, когда еще вообще не было Руси и «византийской цивилизации», это тоже не наша история? Впрочем, трудно связать воедино все эти извороты мысли автора «Увекавечання міфа». Общество может менять свой культурный облик, сохраняя при этом свою идентичность. Стоит ли объяснять эти прописные истины? Ведь были времена, когда к тому, что Ю. Микульский называет «византийской цивилизацией», наши предки относились так, как сегодня он сам относится к «свядомым», «барацьбітам» и «нацыянальнай інтэлігенцыі». Русь не утратила свою идентичность ни при Миндовге, ни при многих других правителях ВКЛ. А, например, Франциск Скорина оставался русином, даже будучи католиком!

В своих рассуждениях автор статьи доходит до абсурда! В его понимании поставить памятник Миндовгу – это бросить вызов православной церкви, принизить ее значение в истории Беларуси как древней веры наших предков, равнодушно отнестись к ее традициям. Неужели он так квалифицирует установку в Беларуси памятников и другим не православным? Понимает ли автор статьи, о чем говорит? Может, согласно этой логике, стоит демонтировать все памятники, например, Франциску Скорине и предать эту личность забвению?

О фрагментах мысли

Знакомство со статьей «Увекавечанне міфа» заставляет предположить: или она тенденциозна, или автор не умеет решать сложные научные задачи. Впрочем, вероятнее всего и то, и другое. Внушая читателю, что Новгородок никаким образом не повлиял на формирование литовской государственности, автор утверждает: она возникла задолго до вхождения в состав белорусских земель. Это мнение польского историка Х. Пашкевича имеет своих

сторонников, но оно не принято в современной историографии [2, с. 153]. Другие мнения Ю. Микульский замалчивает.

Он плохо ориентируется в историографии проблем возникновения и функционирования раннесредневековых монархий, не имеет представления об обществе того времени, произвольно интерпретирует данные исторических источников, допускает ошибки. Особенно выразительно уровень подготовки автора проявился в работе с источниками. Он возвел их в ранг фетиша. Статья Ю. Микульского изобилует сообщениями: «пра гэта ў крыніцах нідзе няма ніводнай згадкі», «з крыніц гэтага не бачым», «пра гэта ні ў якіх крыніцах няма згадак» и т.д. Из этих и других высказываний следует, что если нет сведений источника, то не было и исторического факта. Но не надо быть магистром истории, чтобы понять – в таком обращении с источниками много нестыковки. Ведь в данном случае используемый Ю. Микульским подход действует против него: а где сказано, что Миндовг не был новгородским князем и не был похоронен в Новгороде? Где сообщается, что Новгородок не являлся столицей ВКЛ и местом коронации Миндовга и т.д.?

Методика работы Ю. Микульского с летописными источниками непоследовательна и противоречива. Если в одних случаях автор создает из сведений источника фетиш, то в других он их ниспровергает, начинает говорить сам вместо источников. Откуда автору известно о походах Литвы на Полоцкую землю (в частности, о походе в 1245 году), о том, что Александр Невский помогал Полоцку отражать эти походы, что полоцкий князь Брячислав сражался с литовцами и искал поддержки в других русских княжествах в борьбе с ними, что Литва многократно воевала с Пинским княжеством и т.д.? Может, Ю. Микульскому посчастливилось открыть какие-то новые источники? Во всяком случае, до настоящего времени эти, приводимые им, сведения не были известны науке.

Не лучше обстоит дело и с интерпретацией фактов из исторических источников. На основании чего автор считает Воруту резиденцией Миндовга? Исходя из контекста источника, более вероятно предполагать, что летописный город являлся ближайшим укрепленным пунктом, в котором князь мог укрыться от сил противника.

Подобные манипуляции с фактами исторических источников говорят об отсутствии прочных базовых знаний об эпохе, регионе, обществе и его культуре. Тогда сведениями действительно можно жонглировать как угодно, создавая мыслимые и немыслимые их комбинации.

Ю. Микульский пишет об идентичности белорусов и литовцев, литовско-русинском антагонизме. Но все его постулаты узки и односторонни. Наделяя русь (народ. – А.Г.) XIII века одной только религиозной идентичностью, он понижает ее сознание до уровня представителей варварского общества. Вопреки убеждению автора статьи, идентичность руси этого времени не сводилась лишь к религиозной идентичности. Приведем всего один пример. В середине XV века в результате одного из конфликтов, возникшего между Полоцком и Ригой, полочане, не имея возможности его самостоятельно уладить, заявили рижанам: «уж пошлем до милостиваг(о) короля. Ес(ть) у нас осподарь, кому нас оборонити» [3, с. 186]. Как видно из данного примера, православные полочане называли католика короля польского и великого князя литовского Казимира своим господарем. Он как правитель имел возможность, выполняя свои обязанности перед подданными, удовлетворять их интересы. И он пользовался такими возможностями, несмотря на различие в вере с подданными. Для полочан, заявлявших рижанам, что у них есть господарь – «кому нас оборонити», великий князь литовский являлся не менее «своим», чем для родственников литовцам жомойтов, которые требовали от господаря внесения в привилей Жомойтской земле положения, якобы они «прыстали» к ВКЛ по своей доброй воле, а не по принуждению.

Для чего я привел этот пример? Как в этих случаях, так и в случае с Миндовгом для его подданных (тут и далее термин «подданный» в отношении к подвластному населению раннесредневекового ВКЛ я использую условно) было важно, в какой степени Миндовг, сменив прежнюю власть, был способен выполнять функции правителя – осуществлять правосудие, охранять внутренний порядок, защищать подвластное ему население от внешнего врага. На наш взгляд, он, обладая большим военным потенциалом и ресурсами, способен был выполнять эти функции более

эффективно, чем мог это делать, например, Изяслав Новгородский или Глеб Волковыйский.

Имеются ли в распоряжении автора статьи надежные свидетельства дискриминации Миндовгом руси по этническому и религиозному признакам, данные о том, что русины того времени были недовольны Миндовгом как правителем? Таких свидетельств Ю. Микульский не приводит. А вот они в отстаивании его взглядов могли бы иметь большой вес. Как показывает ретроспективный материал, «русских» подданных в ВКЛ устраивал любой правитель, который выполнял обязанности по отношению к ним. И, возможно, эта модель отношений подданных к правителю сформировалась еще при Миндовге.

Ю. Микульский пишет, что Миндовг с присоединением Новгородка и других белорусских земель не принял местных обычаев и веры. А этот вопрос уже относится к религиозной и культурной идентичности князя. Разве он должен был непременно это сделать? Ю. Микульский принимает как определенный стандарт: если взятый на княжение в Псков литовский князь (Довмонт) перешел в веру принявшего его общества, значит, то же самое должен был сделать и Миндовг. А не существовало ли иных путей адаптации правителей в местном обществе? Ведь языческая вера не мешала Ольгерду оставаться витебским князем [4], не мешала она также, заключая договоры с внешним миром, выполнять ему... христианский обряд целования креста [5, с. 106; 6, р. 260–261]. Прошлое скрывает большое количество нюансов, понимание которых часто не поддается стереотипному мышлению некоторых современных историков. Ольгерд мог быть катехуменом – человеком, не принявшим крещение, но уже наставляемом в основах веры, на которого возлагались те же обязанности, что и на крещеных. Признание святого креста могло быть одной из форм проявления религиозного синкретизма (о религиозном синкретизме, двоеверии как проявлении политического реализма, кстати, на примере Миндовга говорится у М. Космана [7, с. 109–115]). Но, главное, Ольгерд целовал этот крест, заключая договоры, в которых были заинтересованы его подданные. Что мешало Миндовгу действовать в интересах его подданных, не меняя веры? Какие факты дают основания утверждать,

что Миндовг руководствовался лишь собственными интересами, пренебрегая интересами подданных?

Автор статьи пытается показать глубокий антагонизм между литовскими правителями и его боярами с одной стороны и «русским» обществом с другой. В подтверждение своих слов он приводит данные, что сын Миндовга Войшелк, будучи язычником, ощущал полную свободу действий и жестоко обходился со своими подданными. Даже если не рассматривать эти сведения как результат применения определенных литературных приемов (чтобы показать перемены, происшедшие с Войшелком после крещения), то откуда известно, что пострадавшими от этого князя были жители Новогородка и Новогородской земли? Социальный состав общества того времени был сложен: кроме свободных людей, это и лично зависимые от князя – челядь, дружинники. На каких основаниях из числа пострадавших от Войшелка исключаются эти люди?

Исследователи, изучающие вопросы становления и функционирования ранних монархий, подчеркивают их специфический характер. Главный вывод – эти монархии создавались и существовали на основе межличностных связей, представлявших собой непосредственные отношения подчинения, преданности и дружбы. Можно добавить, что этническая принадлежность и этнические противоречия в этих монархиях далеко не всегда имели решающее значение. Более того, в состав политической элиты могли входить представители разных этносов. Роды, составлявшие эту элиту, объединяло соседство их владений, родство по браку и связи верности и дружбы [8, с. 97]. По мнению современного литовского исследователя Р. Петраускаса, «Литва» XIII века обозначала не территорию, а группу людей, которые осознавали свою принадлежность к определенному политическому сообществу. Представители иноземной знати легко могли вливаться в ряды «литовцев» [8, с. 103].

По утверждению Ю. Микульского, Литва разговаривала с Новогородком с позиции силы. Согласен. Но разве это как-то должно изменить отношение белорусов к Миндовгу? Тут мы входим в область исторической политологии. Зададимся вопросом: а есть ли случаи, когда государственная власть – независимо от того, являлась она этниче-

ски «своей» или «чужой» – разговаривала с подвластным населением исключительно с позиций равенства и братства? Когда мы говорим о государстве, то нельзя не учитывать один фундаментальный момент – государство в принципе не может существовать, не используя принуждения. В этом заключается его отличие от других форм организации общества. Для оценки исторических деятелей важно знать меру использования власти. Чем власть литовцев отличалась от власти русских князей, за исключением принадлежности ее к иной культуре и религии? Чем была лучше власть, например, Александра Невского, подавлявшего антиордынские восстания единоверцев, власти Миндовга (кстати, о подавлении им каких-либо движений сопротивления руси не известно). Опасаясь ущемить чувства тех, кто слишком обостренно ощущает свою принадлежность к православной конфессии, тем не менее замечу: чувства остынут и пробудится мысль. Неужели смерть невинных детей из-под Орши, души которых вместе с душами их матерей и отцов были загублены в 1386 году русином и православным смоленским князем Святославом Ивановичем [9, с. 70 и др.], была более сладка, когда они видели на груди своих убийц православный крест, а не языческий амулет?

Имеет ли значение, представитель какого этноса осуществлял насилие? Что в принципе меняется, если признать тот факт, что Литва действительно выступила с позиций силы и даже завоевателя? Важно другое – могло ли общество, получившее нового правителя, составлять с ним единый функционирующий организм, сохраняя социальный, религиозный, культурный баланс сил и отношений, создавая на основе данного баланса новую идентичность, которая признавала бы сосуществование разных религий и культур. Об этом балансе сил и отношений, новой идентичности в общем можно говорить применительно к ВКЛ не только XIV–XVI, но и XIII века.

У нас нет оснований утверждать, что позиция завоевателя Миндовга в отношении к руси была агрессивной, подавляющей и разрушающей. Да Ю. Микульский так и не смог подобрать подходящий компромат на Миндовга как правителя, заложившего основы для уничтожения идентичности белорусов: «Для беларускага народа 1230–1240-я гады сталі сапраўднай траге-

► Войшелк

дзяй, якая азначала заняпад нашай старажытнай велічы і назаўсёды прыпыніла развіццё візантыйскай цывілізацыі». Но чутэй далей аўтар піша аб палітычным кроку сына Міндовга Войшелка, перададзенаму ў 1267 годзе ВКЛ у валоданне галіцка-вольскім князю. Гэты крок ён тлумачыць як «цывілізацыйную моц рускіх зямель, якая здолела схіліць да сябе чужаземнага князя». А Войшелку ў артыкуле паведамляецца, што ён «паклаў пачатак рутэнізацыі Літвы і стаў першым прыхільнікам яе ўваходжання ў абшар візантыйскай цывілізацыі» і далей: «Прадаўжальнікамі яго палітыкі сталі іншыя літоўскія праваслаўныя князі, якія ў канцы XIV стагоддзя планавалі аб'яднаць ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай». Але гэта не упадок «візантыйскай цывілізацыі», а какое-то яе торжэства!

Па нашаму мерэнню, Ю. Мікульскі прав, калі піша, што Новогародок не быў сталіцай ВКЛ. Але прав толькі ў гэтым плане, што ў раннесярэднявечных дзяржавах не існавала якіх-лібо пастаянных

месц пражывання кіраўніка: ён пастаянна перамяшчаўся па падвасальных яму землях, пацвярджаючы сваю ўладу і аўтарытэт сярод насельніцтва шляхам падтрымкі міжлічковых сувязей і асабістага ўдзелу ў ажыццяўленні сваіх асноўных кіруючых функцый. Але не выклікае сумненняў, што Новогародок быў адной з рэзідэнцый Міндовга.

С іншага боку, чаму Ю. Мікульскі не звярнуў увагі на кіраванне двух паходаў галіцка-вольскіх князю пасля таго, як у Літве ўсталяваўся Міндовг. Іх удары былі накіраваны на Новогародок (гл. летапісныя артыкулы ў Іпацьеўскай летапісі пад 6760 і 6761 гадамі). Вадаўдаснасць гэтых паходаў пацвярджаецца асабістым ўдзелам у іх Данііла і Васілька Раманавічы. Кірава, не паказвае гэта на тое, што Новогародок меў важнае стратэгічнае значэнне, быў адным з найважнейшых палітычных цэнтраў Міндовга? Але чаму гэтыя факты ігнаруюцца?

О «дзеячах» і гісторыках

Вядома, можна задаць пытанне: якое месца Ю. Мікульскі знайшоў беларускаму народу ў «візантыйскай цывілізацыі»? Уся артыкул перагружаны высказваннямі аб беларусах. Ён піша, што Міндовг «абсалютна не ўлічваў поглядаў беларусаў», «беларуская дзяржаўнасць пачалася нашмат раней за літоўскую», «для беларускага народа 1230–1240-я гады сталі сапраўднай трагедыяй», «задумаемся, у якой эпопе бачыць веліч сваёй краіны Міндовг з часоў Міндоўга», «помнік Яраславу Мудраму ў Навагрудку падкрэсліваў бы і старажытныя пачаткі гэтага горада, і вымоўна б сведчыў пра беларускі, а не польскі ці літоўскі генезіс Навагрудка» і г.д. Але ў канцы артыкула аўтар неадчакана заявляе наступнае. Прыведзем яго словы цалкам, бо яны з'яўляюцца квінтэсэнцыяй усяго пабудаванага Ю. Мікульскага: «Калі ж нехта лічыць Яраслава Мудрага «расіянінам» ці «ўкраінцам» (як, зноў жа, часам пішуць некаторыя нашы «дзеячы»), то, скажам наперад, выглядае гэта смешна, бо кожны гісторык пацвердзіць, што ў той перыяд яшчэ нельга дзяліць Русь на беларускі, расійскі і ўкраінскі народы, якія афармляюцца значна пазней». Вот і венец усяго размышленняў Ю. Мікульскага! Русь – не Беларусь, Беларусь – не Русь. Кому будзе

стыдно за установку памятника Миндовгу: руси, которой уже нет, или белорусам, которые ко времени Миндовга, как он выражается, еще «не оформились». Тогда в чем Ю. Микульский хочет убедить читателя?

И о памятнике Миндовгу...

Постепенно мы подходим к вопросу о том, достоин или же нет Миндовг возведения ему памятника. Предваряя доводы, ответим – достоин. Литва, появившаяся в Новгороде, не разрушила существующие там порядки. Они сохранялись там и далее как старина. Общество получило в лице Миндовга правителя, способного эффективно выполнять свои общественные обязанности. В Новгороде сохранялась православная община. Согласно летописи, именно в этом городе сын Миндовга Войшелк принял христианство (подчеркнем, он сделал это при жизни отца). Миндовг не скомпрометировал святость этих мест, поэтому Лавришевский монастырь, основанный Войшелком, не прекратил своего существования ни при Миндовге, ни при его преемниках. Более того, в дальнейшем этот монастырь стал одним из самых почитаемых православных монастырей в ВКЛ. Белорусское население Верхнего Понемонья не утратило своей идентичности.

Миндовг является воплощением эпохи, когда Литва и Русь в пределах одного государства нашли способ контакта, сближения, сотрудничества и культурного обмена, причем не только нашли, но и прочно закрепили его на шесть столетий. Это один из немногих случаев такого объединения разных этносов, культур и религий в европейской истории. И это надо понимать и ценить.

В результате сближения часть литовцев перешла в лоно белорусской культуры, к чему причастен прямо и опосредованно в том числе и Миндовг. Эти белорусы имеют право знать, ценить и уважать свое происхождение, понимать всю сложность истории народов: одного народа – представителями которого были их предки, другого народа – представителями которого сегодня являются они сами. Таких белорусов, кстати, и сейчас много живет на Новогрудчине и в сопредельных с ней регионах. История их предков является частью и белорусской истории. Вот одна из составляющих многообразия этногенеза, истории и культуры Беларуси.

Историческая значимость и ценность этнического, культурного и религиозного контактов, сближения и сотрудничества белорусов и литовцев заключается в том, что в конечном счете Литву и Беларусь объединила одна судьба – потеря социальной элиты, не приведшая однако к утрате этнической идентичности белорусского и литовского народов. Эти контакты, сближение и сотрудничество впервые произошли на территории, одним из политических и культурных центров которой являлся Новогородок. Таким образом, Новогородок можно назвать нулевой точкой в общей истории белорусов и литовцев в одном государстве, а Миндовга – правителем, при котором эта общая история началась.

Вот моменты достойные внимания и научного анализа, поскольку среди прочего они дадут нам возможность понять, что объединяет белорусов и литовцев и, в то же время, что нас отличает друг от друга. Это необходимо не только для познания прошлого и для самопознания, но также для понимания основ белорусской и литовской идентичности и государственности, памяти об общем историческом прошлом.

И если нам и будет стыдно, так это за то, что некоторые историки позволяют себе делать категорические и политизированные выводы по важным, требующим ответственного отношения вопросам, не измеряя сложность решения задач со своей подготовкой и квалификацией. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахматов, А.А. Повесть временных лет / А.А. Шахматов. – Петроград, 1916. – Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания.
2. Дубонис, А. Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы / А. Дубонис // Княжа доба. Історія і культура. – Львів, 2008. – Вип. 1. – С. 142–157.
3. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: вып. 1 / Сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Ин-т истории СССР, 1977.
4. Mažeika, R. Was Grand Prince Algirdas a Greek Orthodox Christian / R. Mažeika // Lituania. – 1987. – Vol. 33. – No. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lituanus.org/1987/87_4_05.htm. – Дата доступа: 25.03.2013.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.: вып. 3 / Сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Ин-т истории СССР, 1980.
6. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedemino laiškai / Tekstus, vertimus bei komentarus par. S. C. Rowell. – Vilnius, 2003.
7. Kosman, M. Zmierzch Perkuna, czyli ostatni poganie nad Bałtykiem. – Warszawa, 1981.
8. Петраускас, Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства / Р. Петраускас // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2012. – № 1. – С. 95–116.
9. Полное собрание русских летописей. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские / Сост. и ред. тома Н.Н. Улащик. – М., 1980.